

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

TRANSACTIONS OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM
XCV

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL
CONFERENCE DEDICATED
TO THE CENTENARY
OF IGOR MIKHAILOVICH DIAKONOFF
(1915–1999)**

St. Petersburg
The State Hermitage Publishers
2018

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
XCV

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА ДЬЯКОНОВА
(1915–1999)**

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2018

УДК 931/935(06)
ББК (Г)63.3(0)31
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Научный редактор: Н. В. Козлова

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 95 : Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999) / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. – 326 с. : ил., IV с. цв. вкл.

ISBN 978-5-93572-785-7

Настоящий сборник включает материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999), которая состоялась в Государственном Эрмитаже и Институте восточных рукописей РАН 13–15 января 2015 года. Состав сборника отражает широту научных интересов И. М. Дьяконова. Статьи посвящены различным областям ассириологии, переднеазиатской археологии и семитологии. В них затрагиваются проблемы политической и социально-экономической истории Месопотамии и сопредельных стран, месопотамской религии и литературы, лингвистики и истории письменности.

Хронологические и географические рамки сборника чрезвычайно широки. Читатель найдет здесь обсуждение теории храмовой экономики Шумера конца 4-го – 3-го тыс. до н. э. и вопросов идеологии Ассирии и Вавилонии второй половины 1-го тыс. до н. э.; культурных контактов Египта и южного Леванта в эпоху ранней бронзы, возникновения и развития царства Урарту, существования скифского государства на древнем Ближнем Востоке. Сборник содержит также статьи, посвященные интерпретации различных терминов и топонимов, встречающихся в месопотамских документах и литературных произведениях; проблемам грамматики хурритского языка и происхождения западносемитского алфавита; аккадско-чадским лексическим параллелям; древнейшим и пуническим надписям. Он ориентирован на широкий круг специалистов, занимающихся изучением истории и филологии Древнего Востока, сравнительно-исторического языкознания.

УДК 931/935(06)
ББК (Г)63.3(0)31

ISBN 978-5-93572-785-7

© Государственный Эрмитаж, 2018

Нэлли В. Козырева (Санкт-Петербург)

ТЕРМИН *AWĪLUM* В ТЕКСТАХ XIX–XVIII ВВ. ДО Н. Э. ИЗ ЛАРСЫ¹

Изучение социально-экономической структуры обществ Древнего Востока было одним из важнейших направлений исторических исследований Игоря Михайловича Дьяконова. Им было написано множество работ по этой тематике, как общего характера, так и посвященных отдельным ее аспектам, в которых автор предложил свою реконструкцию социально-экономической структуры общества Месопотамии периода ранней древности. Исторические исследования И. М. Дьяконова во многом были новаторскими и имели огромный научный резонанс.

Одна из самых ранних публикаций И. М. Дьяконова в этой области – статья «Мушкенум и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи» – была посвящена вопросу о социальном наполнении аккадских терминов *awilum* (шум. *lú*) и *muškēnum* (шум. *maš.ēn.kak*), которые в Законах Хаммурапи (далее ЗХ) обозначали две разные группы свободного населения². Опираясь на анализ текста законов и собственную трактовку содержания нескольких писем, составленных от имени этого же царя, автор предложил свое понимание значения этих терминов. По мнению автора, термин *awilum* обозначал свободного члена общины, имеющего право на земельный надел в общине и владеющего таким наделом. Термином *muškēnum* называли людей, не являвшихся членами общины и владевших служебными земельными наделами, которые им предоставляла администрация в качестве компенсации за службу.

Рассматривая вопрос о том, что лежало в основе социального и правового различия двух групп свободного населения Южной Месопотамии, авилумов и мушкенумов, которое было четко проведено в ЗХ, И. М. Дьяконов пришел к заключению, что это различие было тесно связано с разным уровнем прав на владение землей у представителей каждой из групп. Это, в свою очередь, было, по мнению автора, следствием специфической системы землевладения, сформировавшейся здесь в предшествующий период³. Авилумы как члены общины, по мнению И. М. Дьяконова, имели право наследственного владения земельными наделами, мушкенумы же, не имевшие (или потерявшие) членство в общине, могли владеть только служебными земельными наделами, которые царь (дворец) выдавал им за службу.

Свою точку зрения И. М. Дьяконов развил и дополнил в трех больших обзорных статьях, посвященных проблемам экономики и социального строя обществ древнего Ближнего Востока в 3-м и первой половине 2-го тыс. до н. э., которые были опубликованы в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века⁴. Исследуя социальную структуру

древневосточного общества, И. М. Дьяконов подчеркивал важную роль, которую играли в нем община и свободные общинники, объединенные в большие патриархальные семьи.

По мнению автора, именно свободные общинники составляли основную часть населения и были главной производительной силой общества в рассматриваемый период. Из их числа постепенно выделялась крупная общинная знать. Она образовывала верхушку общества до аккадского периода (то есть до XXIV в. до н. э.), позднее, с появлением служилой знати, обе эти элитные общественные группы объединились в одну. Вторую значительную по количественному составу группу населения составляли «царские люди». Среди них И. М. Дьяконов различал две категории: царские служащие (военачальники, придворные, чиновники, ремесленники, отчасти жрецы, а также профессиональные воины, не входившие во всеобщее ополчение), которые получали условные служебные надель на царской земле; и царские работники, лишенные прав собственности на средства производства и подвергавшиеся внеэкономическому принуждению; последние получали натуральное довольствие и по своему социально-правовому положению были близки рабам (аналог илотов). Самую низшую группу населения составляли рабы. Численно и по своей роли в экономике рабы не играли существенной роли, но сам факт существования рабства накладывал серьезный отпечаток на право и общественную идеологию. Царские работники (*muškenim*) и рабы составляли основную массу «эксплуатируемого класса древнего общества», который И. М. Дьяконов условно называл «древними подневольными работниками рабского типа» или илотами.

Во всех работах И. М. Дьяконова, в том числе и в его ранней статье 1956 года, проявлялось его важнейшее качество как исследователя – присущее ему стремление не только выявить и представить, по возможности полно, те или иные факты, касающиеся изучаемой проблемы, но и найти место этим фактам в общем историческом контексте. В своих работах автор доказывал, что те формы, в которых функционировали социально-экономические институты в Месопотамии начала 2-го тыс. до н. э. и, соответственно, характер и содержание связанной с ними терминологии этого времени были результатом длительного процесса предшествующего развития, без изучения которого невозможно их удовлетворительное понимание.

Вслед за И. М. Дьяконовым в 60–70-е годы прошлого века изучением социально-экономической структуры общества древней Месопотамии занялись многие исследователи, среди которых можно особо выделить таких выдающихся ученых как И. Гельб и Ф. Краус. Их работы так же, как и исследования И. М. Дьяконова, оказали и до сих пор оказывают огромное влияние на развитие науки о социуме и экономике в древней Месопотамии.

По мнению И. Гельба, в Южной Месопотамии при формировании городских систем с развитой централизованно управляемой аграрной экономикой общинное землевладение уступило место общественному землевладению («public land»), которое контролировалось государством, храмом и высшей бюрократией. Основной структурной единицей такой модели экономики было крупное хозяйство, *oikos*. *Oikos* представлял собой крупное самоснабжающееся хозяйство со своими жилыми зданиями, мастерскими, загонами для животных, складами, а также полями, садами, пастбищами и лесами. Во главе такого хозяйства стоял его владелец или управитель, в чьем распоряжении

находилась земля, а работниками были полусвободные гуруши, приписанные к этому хозяйству. Вопрос о том, существовали ли за пределами таких хозяйств сельские общины, объединявшие свободных земледельцев, И. Гельб оставил открытым за отсутствием достаточных данных.

В Месопотамии, как считал И. Гельб, не было сильного социального разделения общества на свободных и несвободных, как это было, например, в классической Греции или Риме. С точки зрения экономики, по его мнению, население делилось на две основные группы: хозяев и остальное население. Последняя группа включала в себя всех зависимых работников, в том числе сервов (гурушей) и рабов. Сервы (гуруши), которые занимались производительным трудом и составляли основную массу зависимого населения, были местного происхождения. Они имели семью и содержали ее, обрабатывая небольшой земельный надел, который получали от своего хозяина. Рабов было немного, и они использовались на домашних работах⁵.

Огромной заслугой И. Гельба было выдвинутое им предположение о различии в развитии двух соседних регионов: Сирии и Северной Месопотамии и Южной Месопотамии, которые в 4–3-м тыс. до н. э. были заняты носителями двух разных культурных традиций. Развитие государственности на этих территориях также шло разными путями, что привело к формированию здесь к началу 3-го тыс. до н. э. двух разных вариантов политических структур⁶.

Еще один выдающийся современник И. М. Дьяконова и И. Гельба Ф. Краус в двух обширных монографиях изложил свое понимание социальной структуры общества Южной Месопотамии первой половины 2-го тыс. до н. э., основанное на анализе огромного количества синхронных текстов, в том числе текста Эдикта царя Аммицадуки, ранее не привлекавшегося исследователями⁷. Важным аспектом подхода данного автора к проблеме было его утверждение о необходимости вариативности толкования и перевода терминов *avilum* и *muškēnum*, конкретное значение которых в каждом отдельном случае было обусловлено контекстом. По мнению Ф. Крауса, в зависимости от контекста слово *muškēnum* могло означать или подданного (государства), или обычного гражданина (в противопоставление авилуму как представителю элиты). Слово *avilum*, по его мнению, имело три основных оттенка значения в зависимости от контекста: любой человек вообще, свободный человек вообще (в том числе мушкенум и авилум), представитель элиты.

Огромный опыт и знания этого выдающегося исследователя проявились не только в его работе с клинописными источниками, но и в тех методических рекомендациях, которые встречаются в его публикациях. До сих пор сохраняет свою актуальность предупреждение Ф. Крауса о том, что, проводя историческое исследование, необходимо строго учитывать локальные и хронологические характеристики всех фактологических данных, используемых при построении той или иной гипотезы; ни в коем случае нельзя смешивать свидетельства разных эпох и разных регионов в единый пласт, создавая тем самым совершенно искаженную картину исторической реальности.

Основные ориентиры, выработанные трудом и опытом мэтров прошлого века, – необходимость поиска исторических корней изучаемого явления, обязательный учет различий в развитии между регионами и тщательный подбор привлекаемых свидетельств по хронологии и географии, чтобы избежать нечаянного смешения эпох и регионов, – все

это, безусловно, полностью сохраняет свое значение и для работы современных исследователей. Представление о том, что каждая эпоха наполняет общие термины своим конкретным содержанием, справедливо не только в отношении исторических фактов, но и в отношении работы самих историков. Со времени публикации работ И. М. Дьяконова, И. Гельба, Ф. Крауса прошли многие десятилетия, в течение которых в области изучения древней Месопотамии неоднократно менялись приоритеты исследований и подходы к решению тех или иных исторических проблем. Долгое время казалось, что историков древней Месопотамии интересуют исключительно вопросы религии и идеологии. Однако, судя по ряду сравнительно недавних публикаций, вопрос о социальной терминологии в Южной Месопотамии первой половины 2-го тыс. до н. э., прежде всего, о значении терминов *avilum* и *muškēnum*, по-прежнему, как и в середине прошлого века, является предметом изучения. Периодически некоторые специалисты заявляют даже об окончательном решении проблемы, хотя те параметры, в границах которых эти вопросы рассматриваются сейчас, в основном были заданы работами предшествующих авторов⁸. Представляется, что этот процесс может продолжаться практически бесконечно, по мере того как будут появляться новые публикации клинописных текстов, в которых использовались исследуемые термины. Совершенно очевидно, что невозможно, как отмечал еще Ф. Краус, дать единственно правильное толкование этих терминов, которое было бы справедливо для всей территории Месопотамии на протяжении всего старовавилонского периода без оговорок, касающихся места и времени их использования. Однако можно попытаться дать описание сущностного содержания того или иного «социального» термина, применявшегося в определенной группе текстов, ограниченной достаточно четкими географическими и хронологическими рамками. Возможно, сравнение содержания определенных терминов в нескольких группах такого рода текстов с тем, что нам известно по ЗХ, помогло бы понять, каким образом разнообразные и разновременные жизненные реалии преобразовывались в официальный законодательный текст и какие задачи ставила себе при этом центральная власть.

В представленной статье собраны данные о терминах, маркировавших отдельные группы городской элиты и ее представителей, в том числе о термине *avilum* в текстах XIX–XVIII вв. до н. э. из города Ларсы.

Города юга в 3-м тыс. до н. э.

В конце 4-го тыс. до н. э. в самой южной части аллювиальной долины Тигра и Евфрата появились первые города. В это время население юга составляло предположительно от 100 до 250 тысяч жителей, а население всей Южной Месопотамии, по самым приблизительным подсчетам, могло, возможно, достигать полумиллиона человек⁹. Города появились здесь как оптимальная форма организации хозяйственной жизни населения этого региона с его весьма своеобразными с точки зрения экологии условиями. Каждый город, будучи административным и культовым центром окружавшей его территории, составлял вместе с ней единую хозяйственную систему, объединявшую в своих рамках некоторое количество населения и соответствующее количество производственных ресурсов, прежде всего культурных сельскохозяйственных земель, но также и пастбищ и рыбных угодий. Базовым элементом этих структур были крупные зерновые хозяйства,

административно организованные и управляемые, каждое из которых являлось своего рода уменьшенной моделью городской системы, чьей частью оно являлось¹⁰.

Городская элита формировалась здесь как элита культово-административная. Во главе с правителем, который избирался из ее среды, она управляла всеми активами (имуществом) города, аккумулировала богатства в форме сырьевых продуктов (зерно, шерсть, рыба, финики), а потом часть их распределяла среди горожан в форме компенсации/вознаграждения за труд, а остальное использовала на общегородские нужды (строительные и ирригационные проекты, обмен и т. п.). Масштабы и качество всех привилегий городской элиты напрямую зависели от стабильного функционирования городского хозяйства.

На протяжении всего 3-го тыс. до н. э. происходило смешение в городской хозяйственной и правовой сфере старых догородских традиций и новой административной практики, возникавшей в ходе управления масштабными материальными и трудовыми ресурсами. Высшие должностные лица города и крупных хозяйств в его составе имели множество возможностей и привилегий в плане получения и использования материальных ресурсов, которые традиционно выделялись им из фонда города, но не персонально, а как представителям определенной должности, номинально носившей, как и должность правителя, выборный и срочный характер. Естественно, в такой ситуации возникало желание удержать должности в семье, передавая их по наследству. Со временем в письменном материале из Южной Месопотамии стали все чаще появляться маркеры, четко выделявшие отдельных индивидуумов или отдельные группы лиц и отличавшие их от остальных членов городского сообщества. Таким образом, сохраняя одну старую традицию – передачу значительной доли общих ресурсов представителям системы управления хозяйством для использования в общих интересах, одновременно общество как будто постепенно отказывалось от другой – периодического переизбрания исполнителей этих должностей. Со временем в структуре власти и управления городскими хозяйствами происходили, конечно, определенные изменения, но это мало отражалось на общем характере хозяйственной деятельности городских систем и структуре городского социума.

Такая социально-экономическая модель организации общества – город как коллектив или, скорее, как корпоративное сообщество – просуществовала на юге региона почти две тысячи лет, с середины 4-го по середину 2-го тыс. до н. э. Во многом исключительная успешность этой модели определялась ее удачной адаптацией к своеобразным условиям окружающей среды Южной Месопотамии (речь идет, прежде всего, о южной части этого региона, где такого рода городские системы и возникли первоначально). Но это же обстоятельство в значительной степени ограничивало возможности ее изменения и развития в условиях постепенно меняющейся экологии и появления новых внешнеполитических факторов.

Некоторые обозначения групп городского населения в текстах из Лагаша (XXV в. до н. э.)

Самые ранние сведения письменных документов из Южной Месопотамии, касающиеся социальной стратификации городского населения, относятся к XXV в. до н. э. С этого времени в некоторых текстах для обозначения различных групп горожан стали

использоваться термины, которые носили определенный социальный оттенок и отражали, по-видимому, реально существовавшее в городском обществе разделение горожан на социальные группы, различавшиеся по характеру обязательств членов группы перед обществом и по масштабам той доли общих материальных ресурсов, которые представители данной группы получали в соответствии с этими обязательствами. Разобраться в этой терминологии достаточно сложно, тем более что многие термины, встречающиеся в текстах из разных городов, возможно, повторяли, заменяли или перекрывали друг друга¹¹.

В частности, большую группу жителей города Лагаша, которые входили в состав персонала одного из самых крупных хозяйств этого города (хозяйство богини Бау), во многих административных записях того времени обозначали словосочетанием или описательным термином «люди, держащие (земельные) наделы» (*lú šuku.dab₅.ba*). Все эти лица принадлежали, вероятно, к числу коренного городского населения, и именно поэтому у представителей группы было общее название, начинавшееся со слова *lú*, то есть «человек», но внутри группа не была однородной. Небольшую часть этих людей – тех, кто занимал определенные руководящие должности разного уровня, – называли «важные люди/господа» (*lú igi.niġín*), а остальных – гораздо более многочисленную группу, в которую входили люди, работавшие под руководством «важных людей», – называли «подчиненные господину» (*ru/šub.lugal*)¹². Так что, если обозначение всех лиц, входивших в эту группу, начиналось со знака *lú*, то есть «человек» (акк. *awilum*), то внутри группы знак *lú* использовался только в названии небольшой группы руководителей, а основная масса работников обозначалась термином, не включавшим этот знак. Из этих двух групп более высокое положение, естественно, занимали «важные люди», то есть те, кто исполняли определенную административную должность или руководили профессиональной группой. В некоторых случаях писцы, фиксируя выдачи зерна всем членам группы «людей, держащих наделы», могли кратко озаглавить свои записи следующим образом: «зерновые выдачи большим и малым» (*še.ba tur.maġ.ba*). Очевидно, что в этих случаях «большими» могли называть «важных людей», а «малыми» – людей, «подчиненных господину».

«Важные люди» были, вероятно, руководителями больших профессиональных групп или отдельных хозяйственных институтов и получали земельные наделы на себя и своих «подчиненных», которые эти наделы и обрабатывали¹³. Так, в хозяйстве «дом женщин» (*é.mi*) в Гирсу в группу «важных людей» (*lú igi.niġín*) входили 40–50 чиновников. Среди этих высоких должностных лиц упоминаются такие, как управитель хозяйства, главный певец, хранитель склада, главный купец, главный пахарь, герольд, главный администратор, надзиратель, землемер. По документам хозяйства видно, что персональный состав этой группы иногда менялся (менялись имена собственные перечисляемых в списке людей), но должностной состав оставался постоянным, то есть высокий статус этих лиц был тесно связан именно с занимаемой должностью. При этом и среди людей, занимавших руководящие должности, не было полного равенства. В одном из списков, перечисляющем представителей группы *lú igi.niġín*, первые 10 лиц из списка были названы *lú igi.niġín.gal.gal.me*, то есть «самые важные». Вероятно, это были представители высшей администрации хозяйства, занимавшие верхнюю ступень социальной иерархии городского общества.

Доступные нам шумерские источники носят весьма фрагментарный характер, освещающая только отдельные разрозненные детали городской социальной структуры. Они весьма сложны для понимания и часто по-разному трактуются исследователями. Тем не менее обращает на себя внимание то, что некоторые аспекты социальной стратификации, отраженные документами XXV в. до н. э., находят явное подобие и в текстах гораздо более позднего периода. Это, прежде всего, деление горожан общего социального статуса («полноправных»?) на руководителей и подчиненных, что определяло и разные масштабы их материального обеспечения, и использование слова «человек» (шум. *lú*, акк. *awilum*) для обозначения людей высокого должностного статуса¹⁴.

Городские структуры Южной Месопотамии в начале 2-го тыс. до н. э.

В начале 2-го тыс. до н. э., как и в предшествующем тысячелетии, хозяйственная деятельность большей части городского и значительной части сельского населения юга Месопотамии проходила в рамках административно управляемых городских экономических систем, каждая из которых состояла из целого ряда крупных хозяйств-домов. В единую структуру все эти хозяйства объединяла стоявшая над ними общая административная система города, которая замыкалась на правителя или царя. Одной из важнейших задач этого административного аппарата был сбор ресурсов и их перераспределение¹⁵.

Для успешного функционирования городского хозяйства необходимо было поддерживать тесное взаимодействие и сохранять баланс интересов между его отдельными элементами/структурами. В решении этих задач важнейшую роль играл такой традиционный городской институт, как «торговая организация» (*kārum*), занимавшийся сбором и оборотом внутренних ресурсов. По существу, это была своего рода «кровеносная система», с помощью которой все институты города взаимодействовали между собой и объединялись в единый хозяйственный организм и без которой они не могли успешно функционировать.

Наследственная культово-административная бюрократия – чиновники городской администрации, управляющий персонал отдельных крупных хозяйств, в том числе хозяйств храмов, руководители торговой организации и ее подразделений – составляла городскую элиту, в руках которой было сосредоточено управление городскими ресурсами. С достаточной очевидностью можно говорить о том, что в городах Южной Месопотамии существовали привилегированные социальные слои, однако о конкретном социальном статусе и имущественном положении лиц, входивших в их состав, известно немного.

Ларса в XIX–XVIII вв. до н. э.

Город Ларса, располагавшийся в нескольких десятках километров к западу от Лагаша, был одним из древнейших городов Южной Месопотамии. Впервые его название встречается в списке городов из Урука, составленном в конце 4-го тыс. до н. э. Город изредка упоминается и в текстах 3-го тыс. до н. э., прежде всего, как главный на юге

культовый центр шумерского бога солнца Уту (аккадского Шамаша). В начале 2-го тыс. до н. э., после распада централизованного государства, объединявшего всю Южную Месопотамию (Ур III), город Ларса стал одним из самых важных политических и хозяйственных центров этой территории. Наивысшего расцвета город достиг в правление царей Варад-Сина и Рим-Сина, сыновей Кудур-мабука (1835–1763 гг. до н. э.), под контролем которых находился весь юг и восток Месопотамии. В Ларсе располагалась царская резиденция, и сюда в виде налогов стекались огромные ресурсы юга и центра. В 1763 г. до н. э. город Ларса был завоеван царем Вавилона Хаммурапи и вошел в состав его государства. После 1739 г. до н. э. при подавлении неудачного восстания против Вавилона город получил значительные разрушения и через несколько лет был заброшен жителями.

Сохранилось несколько сотен клинописных документов из Ларсы времени ее расцвета в правление сыновей Кудур-мабука и начала правления здесь царей I вавилонской династии. В основном это административно-хозяйственные записи и частные договоры, а также довольно значительное количество писем.

Термин *amulum* в документах из Ларсы

Главными элементами городской экономики самых южных городов Месопотамии, в том числе и города Ларса, в начале 2-го тыс. до н. э. по-прежнему оставались крупные хозяйства (дома). В рамках таких хозяйств находились основные массивы городских пахотных земель и большинство производственных ресурсов. О том, что могло быть за пределами этих хозяйств, сведений очень мало. В документах из Ларсы упоминаются самые разные дома-хозяйства: дома-хозяйства богов, дома-хозяйства должностных лиц, дома-хозяйства частных лиц, а также такие хозяйственные структуры, как «большой дом» (дворец), «дом женщины», «дом тамкаров». Вместе они составляли единую городскую хозяйственную систему, в рамках которой все они сосуществовали и взаимодействовали.

Одно из крупных хозяйств города называлось в документах просто словом «дом» (шум. *é*, акк. *bitum*), которое в этих случаях не сопровождалось какими-либо дополнительными эпитетами. О значительных масштабах этого хозяйства свидетельствует тот факт, что подавляющая часть клинописных документов этого времени, дошедших до нас из Ларсы, представляет собой, по-видимому, сохранившиеся фрагменты его архива. Документы этого архива охватывают более 70 лет, то есть почти весь период независимого существования города в начале 2-го тыс. до н. э. В административно-хозяйственных документах архива, которые составлялись в основном на шумерском языке, для обозначения самого хозяйства использовали шумерский термин *é*; в письмах, которые писали преимущественно по-аккадски, для названия хозяйства использовали его аккадский эквивалент *bitum*.

По своей внутренней структуре «дом» представлял собой, по-видимому, типичное для городов юга Месопотамии того времени крупное хозяйство со всеми необходимыми его составляющими: пахотная земля и пастбища, рабочий персонал, в том числе рабы, скот, складские и подсобные помещения в городе, ремесленные мастерские, управленческий аппарат.

Площадь пахотных земель хозяйства (только по тем документам, которые сохранились) могла составлять более 600 га, на которых ежегодно собирали около одного миллиона литров зерна (ячменя). Стада хозяйства насчитывали несколько тысяч голов овец и коз, с которых получали не менее двух тонн шерсти в год, и несколько сотен голов крупного рогатого скота. Пахотные земли и пастбища хозяйства располагались в целом ряде сельских поселений в окрестностях города Ларсы. Часть собранного здесь зерна шла на производственные расходы и оплату работников на местах. Примерно две трети зерна, погрузив на баржи, отправляли по каналам в город, то есть в Ларсу. В городе у хозяйства были многочисленные склады, куда свозили зерно и другую произведенную продукцию, откормочное хозяйство, где содержали скот для жертвоприношений и праздничных трапез, мастерские для переработки продукции и изготовления необходимого для этого оборудования, в том числе ткацкие, ювелирные и мебельные.

Зерно и другие продукты (кунжут, шерсть, финики) со складов в Ларсе расходовались на разнообразные повседневные нужды: на содержание самого «дома» и его персонала, на фураж для скота в откормочном хозяйстве, которое, по-видимому, располагалось в Ларсе, на оплату наемных работников, плату за баржи, возившие различные хозяйственные грузы (зерно, кирпич, солому), на выдачи отдельным работникам и слугителям хозяйства. Часть произведенных продуктов передавалась в храмы города, еще часть – в городскую торговую организацию для обмена на серебро и приобретение различных привозных товаров.

Рабочий персонал. Людей, которые занимались пахотой, севом, уборкой урожая, уходом за упряжным скотом и другими подобными работами, в отчетных документах хозяйства и письмах чаще всего обозначали собирательным термином «работники – погонщики волов» (*lú/erín šà.gu*₄). Иногда это словосочетание сокращали и называли работников просто «погонщики волов» (*šà.gu*₄) или просто «работники» (*erín*). Постоянные работники жили со своими семьями, вероятно, здесь же, и у них были, видимо, помощники (*diri*) из числа младших родственников. Еще одну группу постоянных работников в отчетных документах называли «рабыни и рабы» (*gemé.ir*). Время от времени хозяйство нанимало дополнительных работников, по-видимому, из числа жителей ближайших селений (*lú/erín hun.ġá*).

Управление хозяйством. Во главе хозяйства, которое в документах обозначалось просто словом «дом», стояла глава «дома», которого в отчетных документах, традиционно составлявшихся на шумерском языке, обычно называли не по имени собственному и не по должности, а аккадским словом *awilum* (шум. *lú*), то есть букв. «человек». В документах архива этот термин упоминается на протяжении более чем 70 лет. Судя по отчетным записям, авилум периодически получал из ресурсов хозяйства масло, зерно, серебро, а также другие продукты (мясо, рыбу, пиво, пряности), стоимость которых оценивалась в серебре. При этом в документах часто особо отмечалось, что эти продукты были привозными или купленными (а не произведенными непосредственно в хозяйстве). В записях, упоминавших расходы масла или «дополнительные расходы дома на зерновые выдачи», авилум обычно стоял первым в списке лиц, получавших продукты.

В отчетах фиксировались и расходы, производившиеся по случаю поездок авилума за пределы Ларсы. Периодически он посещал разные города государства (Урук, Рахабум, Адаб, Зарбилум) и совершал там ритуальные церемонии в местных храмах, в частности

в храме Иштар в Уруке, связанные с расходом большого количества масла для умащения. Возможно, эти церемонии были направлены на поддержание благополучия хозяйства, которое он возглавлял, подобно тому как определенные религиозные действия, совершавшиеся царем, должны были поддерживать благополучие всей страны. В одном из отчетных документов авилум упоминается в связи с расходами, произведенными, когда он сопровождал в поездке дочь царя, выданную замуж в город Дер.

Вместе с большой группой административных документов и писем в архиве хозяйства хранились «частные» документы человека по имени Бальмунамхе, который многие годы стоял, по-видимому, во главе этой структуры. Если в официальных административных документах его как главу хозяйства, очевидно, называли авилумом, то в письмах, которые чиновники посылали ему в Ларсу, они, обращаясь к нему, называли его «мой господин» (*beli-ja*).

Бальмунамхе был управителем хозяйства («дома») и значительной территории, которую это хозяйство занимало, по-видимому, более 20 лет (примерно с 1821 по 1800 г. до н. э.). В его распоряжении был большой штат чиновников, в котором состояли и его ближайшие родственники (братья), организовывавшие и контролировавшие работы на пахотных землях и пастбищах хозяйства. Бальмунамхе был активно вовлечен не только в хозяйственные дела управляемой им территории, но и в дела и споры местных жителей, которые, вероятно, он мог разрешать в силу занимаемого им положения.

Как частное лицо Бальмунамхе также владел значительным имуществом. Высокий административный статус не препятствовал ему заниматься частной деятельностью, а как раз и создавал для этого необходимые условия, предоставляя возможности манипулировать огромными материальными ресурсами «дома», находившимися под его контролем¹⁶. Однако обозначить четкую грань между его частной и служебной деятельностью (как, впрочем, и в отношении любого другого крупного должностного лица того времени) представляется затруднительным. Окончание деятельности Бальмунамхе как главы «дома» произошло, вероятно, около 1800 г. до н. э., но его частная деятельность продолжалась еще несколько лет.

Еще один фрагмент архива – небольшая группа документов, в которых, возможно, зафиксирована деятельность того же хозяйства, относится к последним годам правления царя Рим-Сина (1764–1763 гг. до н. э.). Главой «дома», которого в документах называли *avilum*, в это время был, вероятно, высокопоставленный царский чиновник по имени Рим-Син-ливвир. Само его имя, в которое было включено имя правящего царя, свидетельствует о его личной близости к царю и принадлежности к высшим кругам царской администрации. Его помощника звали Ахушуну¹⁷. Ахушуну, судя по документам, управлял не только делами «дома», но и частным хозяйством Рим-Син-ливвира, которое было, вероятно, довольно значительным, но не шло ни в какое сравнение с тем, чем владела семья Бальмунамхе. О масштабах деятельности хозяйства в это время свидетельствуют данные о ежегодном расходе в нем серебра. За два года (1765–1764 гг. до н. э.) было израсходовано около 5 кг серебра. Ответственным за эти расходы, как следует из отчета, являлся Ахушуну. При этом к документу была приложена печать Рим-Син-ливвира, хотя его имя в тексте не упоминалось¹⁸.

Таким образом, до середины правления царя Рим-Сина, примерно с 1822 по 1800 г. до н. э., хозяйство («дом») управлялось представителем богатой городской семьи,

близкой царскому двору¹⁹. Во второй половине правления Рим-Сина, которая началась с проведения реформ по централизации власти, городское хозяйство Ларсы, вероятно, полностью перешло под контроль царской администрации, а его управителем стал один из высших служащих царя Рим-Сина. На протяжении всего периода главу хозяйства в отчетных документах, по-видимому, обозначали термином *avilum*²⁰.

Документов времени правления в Ларсе Хаммурапи и Самсуилуны (1763–1739 г. до н. э.) сохранилось немного. В отчетном документе (VS 18 96), составленном в 1753 г. до н. э. (42-й год Хаммурапи), когда Ларса уже 10 лет была под властью вавилонского государства, упоминаются два лица, занимавшие в то время должность управителя «дома» (*ugula é*, акк. *šāpir bitim*). Согласно этому документу, дворец передал торговой организации города Ларсы (карум) некоторое количество фиников в обмен на эквивалентную сумму серебра. В качестве ответственных лиц при заключении этой сделки выступили два лица: Шамаш-хацир, управитель «дома», и Адад-иддинам, управитель «дома». Поскольку документ относится уже ко времени Хаммурапи, можно предположить, что в административном аппарате городского хозяйства Ларсы неизбежно произошли существенные перемены. Возможно, этим и объясняется упоминание сразу двух управителей. Шамаш-хацир, наместник Хаммурапи на юге, был представителем вавилонского царя в Ларсе, а Адад-иддинам, вероятно, чиновником местной администрации. В одной обширной расходной записи времени Самсуилуны упоминается расход зерна на приобретение серебра для авилума²¹.

Как следует из приведенных выше данных, термин *avilum* в хозяйственных документах из Ларсы служил для обозначения главы очень большого хозяйства, которое на протяжении многих десятилетий занималось производством и переработкой сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна. Это зерно шло на снабжение рабочего и административного персонала хозяйства; часть его отправляли в некоторые городские храмы и в городскую торговую организацию, карум. Возможно, значительную часть произведенных ресурсов хозяйство распределяло между горожанами через систему городских храмов.

Скорее всего, это было городское хозяйство, то есть хозяйство самого города Ларсы как «корпорации», и именно поэтому его главой было не просто должностное лицо, а человек, представлявший весь коллектив города, всех горожан или авилумов. Слово *avilum* в данном случае имело, вероятно, нарицательный смысл. Так, город Ларсу в текстах могли называть просто «город» (*alum*), а крупнейшее городское хозяйство просто словом «хозяйство/дом» (*bitum*). Помимо управления хозяйством его глава, которого называли *avilum*, исполнял, вероятно, определенные культовые и судебные функции на подконтрольной ему территории, то есть располагал некоторым уровнем политической власти. В данном случае *avilum* не был владельцем, а тем более собственником хозяйства, которым он управлял, и его должность теоретически была, вероятно, ограничена по срокам. Возможно, словом *avilum* называли главу всего городского хозяйства, в то время как царь формально считался, прежде всего, политической фигурой. Каким образом представители элиты оказывались во главе тех или иных хозяйственных структур города, можно только предполагать. Положение в городской иерархии могло передаваться по наследству, могло быть номинально выборным, могло быть и назначением царя, если тот располагал достаточной властью²².

Городская элита Ларсы, видным представителем которой в конце XIX в. до н. э. был, по-видимому, Бальмунамхе, несколько раз упоминается в его документах. В Ларсе, как и в других городах Южной Месопотамии, для обозначения этой группы лиц использовалось выражение, которое условно можно перевести как «богатые и великие» (*kabtu u rabû*, букв. «тяжелые/мощные и большие/великие»). Лица, входившие в эту группу, могли, естественно, называться и авилумами²³.

Среди тех, кого называли «богатыми и великими», были, по-видимому, «судьи города Ларсы», высшие представители городской торговой организации (карум) и высокопоставленные чиновники, управлявшие крупными государственными структурами. Все эти люди владели большими по площади домами, участками городской земли и обширными садами не только собственно в Ларсе, но и в других городах и поселениях Южной Месопотамии, а также десятками рабов и рабынь. Предположительно, «богатые» были представителями старой городской элиты, которые традиционно занимали высокие должности в городской администрации. Те, кого называли «великими», были, возможно, представителями центральной (царской) администрации. Обе эти группы были тесно связаны между собой и образовывали верхушку городского общества. Социальный статус любого жителя города был неразрывно связан с его служебным статусом, который и определял его материальное положение. Чем выше был служебный статус человека, тем большая часть общественного сектора экономики находилась в его управлении и, соответственно, тем большая доля общественного продукта ему причиталась. Поэтому в документах из Ларсы нельзя обнаружить сведения о богаче, занятом исключительно делами своего личного хозяйства и не имеющем отношения к городским структурам или государственной администрации.

«Богатые и великие» располагали не только большими материальными ресурсами, но и значительными властными полномочиями и в ряде случаев могли решать судебные споры²⁴. При этом сами они далеко не всегда могли быть подвергнуты судебному преследованию.

Некоторое представление о возможностях, которыми располагали те, кто входил в эти высшие группы городской элиты, дают гарантийные документы, составившиеся при временной передаче рабов от одного лица другому. В тексте гарантии предусматривались штрафные санкции на случай бегства переданного раба и в отдельных случаях указывалось (в разной степени детализации), где те могли найти безопасное убежище. В этой связи в ряде договоров упоминаются следующие лица и структуры: «большой дом»/дворец (*é.gal*), знатный человек (*kabtu*), высокопоставленный чиновник (*rabû/rābišum*) и «дом женщин» (*é.mí*). Беглого раба, попавшего к этим людям или в эти структуры, вернуть, по-видимому, было невозможно. Поэтому поручители в случае возникновения такой ситуации были обязаны выплатить владельцу раба очень большой штраф, размер которого соответствовал максимальной цене взрослого раба или даже превышал ее. Штраф мог составлять от 20 до 60 сиклей (160–480 г) серебра. Законодательные сборники из Южной Месопотамии начала 2-го тыс. до н. э. наказывали за укрывательство беглых рабов штрафом, а несколько позднее даже смертной казнью²⁵. Судя по сохранившимся гарантийным документам, на «богатых и великих» города Ларсы в начале XVIII в. до н. э. действие таких законодательных установлений не распространялось.

Заключение

На протяжении всей второй половины 3-го тыс. до н. э. правители городов и цари Южной Месопотамии в борьбе за власть всячески стремились подорвать позиции городской элиты, под административным контролем которой находилась значительная часть городского производства и потребления. Это нашло свое отражение в указах раннединастических правителей (Энметены, Урунимгины), в которых они заявляли о своих намерениях защитить социально слабые группы городских жителей от притеснений со стороны элиты; в надписях аккадских царей, сообщавших о подавлении городских восстаний, которыми руководила городская элита; в довольно туманных упоминаниях в текстах времени Ур III о каких-то беспорядках, происходивших при вступлении на престол нового царя и о конфискации имущества у некоторых представителей высшей городской элиты. Названия тех групп населения, которые правители намеревались защищать, так же как и обозначения тех, от кого их надо было защищать, в таких текстах носили весьма общий характер²⁶. Чаще всего в этих случаях использовалось противопоставление: большие – малые, сильные – слабые, имущий – неимущий и т. п.

Сходные проблемы приходилось, вероятно, решать и царям начала 2-го тыс. до н. э., в надписях которых постоянно утверждается, что они дали «жить в довольстве слабым, вдовам и сиротам»²⁷. Царь Ларсы Рим-Син (1822–1763 гг. до н. э.) в середине своего правления провел, по-видимому, целую серию реформ, которые были направлены на централизацию управления и в том числе на ограничение возможностей городской элиты. Однако судить о характере этих реформ и о той терминологии, которая использовалась в это время для обозначения различных групп городского общества, можно только по косвенным данным, никаких прямых письменных свидетельств об этих реформах не сохранилось.

В клинописных текстах первой половины 2-го тыс. до н. э. из Южной Месопотамии, составленных на аккадском языке, шумерское слово *lú*, то есть «человек», было заменено соответствующим аккадским словом *awilum*. При этом слово *awilum* помимо использования в буквальном значении, то есть когда надо было сказать о человеке вообще как о физическом лице, в это время стало широко применяться в качестве термина, обозначающего лицо высокого статуса. Можно только предполагать, почему слово *awilum*, имевшее значение «человек», в текстах начала 2-го тыс. до н. э. приобрело смысл почетного титула, стало обозначать человека исключительно высокого статуса. Возможно, явное усиление оттенка почета, престижности в содержании слова *awilum* в определенной мере было связано с происходившими в это время серьезными изменениями политической ситуации и состава населения Южной Месопотамии.

Шумерское слово *lú*, которое в текстах начала 2-го тыс. до н. э. заменили аккадским словом *awilum*, означало не просто биологическое существо рода человек, но лицо, принадлежавшее к определенной группе (коллективу города). Именно эта принадлежность и делала его «человеком» (=членом городской общины), отличая от чужеземных рабов, рабынь или домашних животных, не являвшихся членами городского коллектива. Это был, как показал Т. Якобсен, «человек (ответственный)»²⁸, то есть отвечающий (перед коллективом города) за определенный участок работы / группу работников / материальные ресурсы. Этот аспект значения слова *lú* стал особенно важным и ценным в начале 2-го тыс. до н. э., когда после распада централизованного государства Ур III города

снова должны были выживать самостоятельно. В связи с этим, несомненно, вновь усилилась роль городского самоуправления, а значит, и горожан как членов городского коллектива и городской элиты в особенности.

В то же время в глазах многочисленного аморейского населения, занимавшего в это время большую часть территорий между городами и составлявшего значительную часть сельского населения Южной Месопотамии, статус городского жителя оценивался, по-видимому, исключительно высоко, и аморейская элита стремительно переселялась в города. В этих обстоятельствах, возможно, слово *avilum* как обозначение горожанина (члена городского коллектива, ответственного лица) приобрело особый оттенок почтительности и уважения и могло применяться для обозначения лица высокого статуса. Термин *avilum* использовали в письмах для обращения к высокопоставленному лицу, часто его ставили как почтительную приставку перед наименованием высших чиновничьих должностей, когда по каким-либо причинам не указывали имя собственное носителя этой должности. Даже в составленных исключительно на шумерском языке административных отчетных записях из Ларсы глава крупного городского хозяйства обозначался аккадским словом *avilum*²⁹.

При том что социальные различия и привилегированные группы, безусловно, существовали во всех городских обществах государства Хаммурапи, термин *avilum*, по-видимому, нигде, за исключением текста ЗХ, не использовался в качестве «социального» термина, то есть для обозначения представителя четко определенной социальной группы. В реальной жизненной практике не было, вероятно, такого явно выраженного социального расслоения городского общества, которое четко проявляется в законодательном сборнике Хаммурапи. В своем стремлении распространить общий социальный порядок на всей территории созданного им государства (от Ура до Ашшура) законодатель, вероятно, сознательно ввел единообразные обозначения для основных социальных групп, что давало возможность достаточно четко регламентировать их права и обязанности в отношении центра.

Если предшествующие Хаммурапи законодатели Южной Месопотамии, создавая свои указы, слегка корректировали существующую реальность в попытке исправить возникшие погрешности и вернуть ее в исходное состояние, то законодатель Хаммурапи создает новую (продвинутую в будущее?) идеологическую схему, подгоняя в определенной степени реальность под нее. В плане общественного самосознания и самоопределения (в том числе и терминологического) реальная ситуация не была, вероятно, столь однозначной, как она выглядит в ЗХ. Надо отметить, что И. М. Дьяконов в своей ранней статье (см. выше) прекрасно выявил это намерение законодателя очертить точные границы статуса отдельных групп населения.

При этом главной аудиторией, для которой ЗХ были высечены на каменной стеле, была, по-видимому, городская элита³⁰. Фактически законодатель предпринял попытку формализовать существование группы городского населения, представителя которой он обозначил термином *avilum*, как отдельной от всего остального населения города. Ее статус, зафиксированный в ЗХ, четко отличался от статуса остальных горожан, которые были формализованы как «подданные», *muškenum*. Отделив элиту от остального городского населения и признав ее особые права и привилегии, законодатель тем самым окончательно разрушал тот фундамент, на котором сформировалась некогда модель

городского устройства в Южной Месопотамии – номинальное равноправие всех представителей городской общины и коллегиальное управление. Такая модель была несовместима с существованием сильного централизованного государства, к созданию которого стремился Хаммурапи.

Законодательная инновация Хаммурапи стояла в одном ряду с другими действиями этого царя, направленными на ограничение возможностей городского самоуправления и переход от номинальной выборности на важнейшие городские должности к системе назначений сверху. Хаммурапи приложил огромные усилия, стремясь объединить завоеванные им территории Месопотамии в единую политическую и хозяйственную систему с управляющим центром в Вавилоне. Однако это объединение было недолговечным. В границах, установленных Хаммурапи, Вавилон просуществовал около 20 лет, примерно с 1760 по 1740 г. до н. э. Распад вавилонского государства фактически начался с восстания городов в начале правления сына Хаммурапи Самсуилуны. Ему пришлось около пяти лет бороться с восставшими и в конце концов отказаться от территории юга и центра, той самой, где когда-то в 4-м тыс. до н. э. формировались первые города. В ходе длительной и жестокой войны большинство этих городов было разрушено и покинуто населением.

В плане терминологии законодательные новшества Хаммурапи не оставили как будто заметных следов: в письменных памятниках времени Хаммурапи и его преемников нет явных свидетельств существования общепринятых терминов для обозначения двух четких социальных категорий населения, которые фигурируют в ЗХ. Правда, в одном случае в эдикте четвертого преемника Хаммурапи, царя Аммицадуки (1646–1626 гг. до н. э.), все население подвластной ему страны названо *kabtu rabû* и *muškenum*, то есть «богатые, великие и подданные»³¹. Для обозначения элиты в этом случае использовалось традиционное словосочетание *kabtu rabû*, а не термин *awilum*, который фигурировал в ЗХ.

¹ Статья представляет собой изложение доклада, прочитанного автором 15 января 2015 г. на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. М. Дьяконова. Доклад сделан в рамках выполнения научно-исследовательской работы по проекту «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций» (СПбГУ, 2.38.525.2013).

² Дьяконов И. М. *Muškenum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи // *Eos: Commentarii Societatis Philologiae Polonorum*. Vol. 48. Fasc. 1. Wrocław, 1956. P. 37–62.

³ «Разница между авилумом и мушкенумом в том, что авилум – член общины и как таковой практически собственник земли и эвентуально рабов (и наоборот: он член общины потому, что владеет общинной землей); мушкенум – лицо, имеющее

лишь повинностное владение на земле царя и поэтому не член общины. В этом, главным образом выражается его юридическая и политическая неполноправность» (там же).

⁴ Дьяконов И. М. Проблемы собственности: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // *Вестник древней истории*. М., 1967. № 4. С. 13–37; *Его же*. Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // *Вестник древней истории*. М., 1968. № 3. С. 1–27; № 4. С. 13–37; *Его же*. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // *Вестник древней истории*. М., 1973. № 4. С. 3–29.

⁵ Gelb I. J. From Freedom to Slavery // *Gesellschaftsklassen im alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten*: 18. Rencontre Assyriologique Internationale. München, 29. Juni – 3. Juli 1970 / Hrsg.

- von D. O. Edzard. München, 1972. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse, Abhandlungen, Neue Folge ; Bd. 75). P. 81–92; *Idem*. Quantitative Evaluation of Slavery and Serfdom // Kramer Anniversary Volume : Cuneiform Studies in Honor of Samuel Noah Kramer / ed. by B. L. Eichler. Kevelaer ; Neukirchen-Vluyn, 1976. (Alter Orient und Altes Testament ; Bd. 25). P. 195–207.
- ⁶ *Gelb I. J.* Ebla and the Kish Civilization // *La Lingua di Ebla* / ed. by L. Cagni. Naples, 1981. P. 9–73; *Idem*. Mari and the Kish Civilization // *Man in Retrospect* / ed. by G. D. Young. Winona Lake, 1992. P. 121–202. Позднее П. Штайнкеллер первым подробно описал социальные и политические различия между двумя обществами (шумерским и аккадским), существовавшие в 3-м тыс. до н. э., см.: *Steinkeller P.* Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // *Akkad. The First World Empire* / ed. by M. Liverani. Padova, 1993. P. 107–130.
- ⁷ *Kraus F. R.* Ein Edikt des Königs Ammi-šaduqa von Babylon. Leiden, 1958. (Studia et documenta ad iura Orientis Antiqui pertinentia ; vol. 5); *Idem*. Vom mesopotamischen Menschen der altbabylonischen Zeit und seiner Welt. Amsterdam, 1973.
- ⁸ В публикации 2003 года Д. Шарпен пришел к заключению, что авилумами в старовавилонский период называли представителей царской администрации, в отношении которой все остальное рядовое население было мушкенумами, т. е. подчиненными, и заявил, что в вопросе о значении этих терминов можно поставить точку (*Charpin D.* Hammu-rabi de Babylone. Paris, 2003. P. 223). Об этом же в публикации 2014 г. заявила Эва фон Дассов (*von Dassow E.* *Avilum and Muškēnum* in the Age of Hammurabi // *La famille dans le Proche-Orient ancien: réalités, symbolismes, et images : Proceedings of the 55th Rencontre Assyriologique Internationale. Paris, 6–9 July 2009* / ed. by L. Marti. Winona Lake, 2014. P. 291–308 [далее *von Dassow* 2014]). Позиция Э. фон Дассов, в основном построенная на положениях, выдвинутых А. Гетце и Ф. Краусом, во многом сходна с концепцией Д. Шарпена. По ее мнению, оба термина, не имевшие отношения к категориям зависимости или свободы, означали представителей городского населения, которые различались в отношении к властным полномочиям: авилумами называли тех, кто обладал властью, а мушкенумами – тех, кто подчинялся. К счастью, такое мнение не остановило работу в этом направлении других исследователей (*Александров Б.* Мушкенумы по данным текстов из Мари // *Вестник древней истории. М., 2012. № 2. С. 119–141*).
- В статье Э. фон Дассов приведена довольно подробная историография вопроса, в которой, правда, не упоминаются работы не только И. М. Дьяконова, но и его не менее знаменитого современника и оппонента И. Гельба. Надо отметить, что Э. фон Дассов значительно расширила круг используемых ею источников за счет синхронных текстов из Мари, которых не было в распоряжении вышеупомянутых исследователей. Широкое использование текстов из Мари могло бы оказаться весьма плодотворным, но, к сожалению, автор при этом совершенно не учла серьезных региональных различий между Мари и Южной Месопотамией, смешивая в единый пласт свидетельства из разных по хозяйственному и политическому устройству регионов, что не способствовало формированию четкой концепции.
- ⁹ *Adams R. McC.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981. P. 251.
- ¹⁰ В конце 4-го тыс. до н. э. до 80% населения региона Южной Месопотамии жило в городских центрах площадью 40 га и более, менее 10% – в поселениях площадью меньше 10 га. С точки зрения среды и экологии долина Южной Месопотамии всегда представляла собой «мозаику различных комбинаций необходимых ресурсов». Большая часть населения действительно зависела от интенсивного земледелия при административно организованной ирригации, но отдельные небольшие группы могли использовать ресурсы болот с изолированными и переходными формами поселений и социальной организации

- (в том числе и типа болотных арабов), а другие использовали зоны степи, пригодные для пастушества (*Adams R. McC. The Limits of State Power on the Mesopotamian Plain // Cuneiform Digital Library Bulletin. 2007/1; URL: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlb/2007/cdlb2007_001.html; дата обращения: 17.07.2017*).
- ¹¹ *Prentice R. The Exchange of Goods and Services in Pre-Sargonic Lagash. Münster, 2010. (Alter Orient und Altes Testament ; Bd. 368)*.
- ¹² В одном из текстов этого времени (*Ibid.* P. 80), содержащем перечень персонала хозяйства, весь персонал при подведении итога объединен в две группы: «важные люди (и) (люди) подчиненные господину» (**lú igi.niġin ru/šub.lugal.ke.ne**). Большинство исследователей переводит термин **ru.lugal** как «подчиненные царю», но одно из основных значений слова **lugal** – «господин» (букв. «большой человек»). Этот термин встречается и в архаических текстах, когда ни о каком царе не было и речи. Гораздо логичнее представляется переводить этот термин как «подчиненные господину» (букв. «большому человеку»), тем более что большинство документов этого времени, где встречается этот термин, дошло до нас из Лагаша и составлены в тот период, когда правители Лагаша носили титул энси, а не лугаль.
- ¹³ *Ibid.* P. 181 ff.
- ¹⁴ Рассматривая семантику шумерского термина **lú** (букв. «человек»), выдающийся шумеролог Т. Якобсен показал, что он означал не просто человека как физическое лицо, но человека, ответственного за нечто, будь то территория, хозяйство или группа населения («person in charge (of others)», «head of household»). Причем этим термином могли называть как мужчину, так и женщину. Термину **lú**, по мнению Т. Якобсена, противостоял термин **ġuruš** (букв. «молодой мужчина»), обозначавший отдельного человека, не имевшего своего собственного хозяйства (*Jacobsen Th. Notes on the Word lú // kinattūtu ša dārātī. Raphael Kutscher Memorial Volume / ed. by A. F. Rainey. Tel Aviv, 1993. P. 69–79 [далее Jacobsen 1993]*).
- ¹⁵ На что расходовались общие ресурсы? Прежде всего, на то, чтобы обеспечить всем необходимым для жизни основную часть горожан, которые составляли персонал крупных хозяйств (чиновники, ремесленники, храмовые служители), в том числе и посредством поставок продуктов в храмы для поддержания непрерывности культовых действий, в результате которых значительная часть этих продуктов перераспределялась среди горожан. За счет общих ресурсов необходимо было поддерживать и расширять ирригационные сети на всей сельскохозяйственной территории, осуществлять общегосударственные проекты по строительству и реконструкции. Часть ресурсов расходовалась на то, чтобы обеспечить хозяйственную систему города и все отдельные хозяйства, которые в нее входили, необходимыми для их деятельности материалами и продуктами, которые те самостоятельно не производили (прежде всего, металлами) или производили в недостаточном количестве (например, шерсть). Значительная часть ресурсов расходовалась на приобретение престижных товаров для элиты.
- ¹⁶ Управление городским хозяйством на каком-то уровне служебной лестницы могло, видимо, переходить в систему частноправовых договорных отношений. Это вызывало затруднения, если возникала необходимость отделить частное имущество официального лица от того имущества, которым он управлял по службе (например, когда это лицо по какой-то причине прекращало свою служебную деятельность). В 1800 г. до н. э. (23-й год правления Рим-Сина) характер деятельности Бальмунамхе как будто изменился. Возможно, ввиду преклонного возраста – его деловая активность продолжалась к тому времени уже более трех десятков лет – он удалился (или был смещен?) с того поста, который занимал в хозяйстве «дома». В 9-м месяце того же года был составлен документ, который, по-видимому, должен был оградить частное имущество Бальмунамхе от каких-либо претензий (YOS 8 42). В документе приведен перечень принадлежавшего

Бальмунамхе имущества, от претензий к которому отказались пять человек. Вопрос об имуществе Бальмунамхе решался судьями в главном храме города Ларсы, храме бога Уту/Шамаша. Лица, от претензий которых судьи оградили имущество Бальмунамхе, были, вероятно, его родственниками и одновременно принадлежали к административному персоналу хозяйства, которым он долгое время управлял. Во всяком случае, эти же имена неоднократно встречаются в хозяйственных документах и письмах архива. В конце текста перечислены имена 23 свидетелей, помимо самих судий свидетелями выступили представители городской элиты – начальник торговых агентов-тамкаров, начальник жрецов-гадателей. К документу было приложено не менее четырех печатей. И текст документа, и оттиски печатей сохранились плохо. Полностью читаются только последние строки надписей на печатях, в которых указывается, что владельцы печатей были «рабами (царя) Рим-Сина», т. е. лицами особо высокого статуса, близкими царю.

¹⁷ Сохранились отдельные записи о поступлении и расходе в хозяйстве зерна, сезама, меди (СВД 120–122). В середине 1765 г. до н. э. был составлен отчет о разных (дополнительных) расходах «дома» на зерновые выдачи, вероятно, за предшествующий месяц. Первым в списке лиц, получивших дополнительные выдачи, указан глава «дома», который назван авилумом. Имя Ахушуну стоит вторым. Далее перечисляются выдачи зерна разным лицам, по-видимому, из числа персонала «дома», которые названы по именам, в отчетной записи упомянут и расход зерна (около 100 л) на выдачу ткачу/портному, который что-то изготавливал «для авилума».

¹⁸ YOS 8 165 (Козырева Н. В. Древняя Ларса. М., 1988. С. 181).

¹⁹ Семья Бальмунамхе занимала, по-видимому, высокое положение при царском дворе. Сам Бальмунамхе в надписи на своей печати называл себя «рабом (царя) Варад-Сина» (*Mieroop M. van de*. The Archive of Balmunamhe // *Archiv für Orientforschung*. Bd. 34. Wien, 1987. P. 1–29).

²⁰ Термин *avilum* для обозначения главы крупного хозяйства использовался в сходных контекстах в документах этого же периода из других городов юга (SLB 2 35, 38). Во многих отношениях удивительно похож на архив из Ларсы архив из крупного хозяйства города Лагаба, располагавшегося в северо-восточной части Южной Месопотамии, хотя относится он, вероятно, к несколько более позднему времени (правление Самсуилуны; см. SLB 3 73:12). Так же как и в архиве из Ларсы, в нем содержится два вида документов: административно-хозяйственные записи и письма. Их объединяют сходство содержания и состав упоминаемых в них должностных лиц. В документах архива из Лагабы так же, как в архиве из Ларсы, само хозяйство называется «дом», его глава – авилум, а работали в нем те же три категории персонала, что и в Ларсе:

1) рабы/рабыни «дома» (**ir.gemé é**), они же, видимо, зависимые (**mu.bi.im**);

2) (полноправные) работники «дома» (**lú/erín é**, **erín ša bitim**);

3) наемные работники (**erín hun.ġá kù.babbar**).

²¹ 48 гур зерна за 1/3 мины серебра (VS 18 100).

²² Есть много свидетельств тому, что в первые века 2-го тыс. до н. э. во многих городах Южной Месопотамии в моменты сложной политической ситуации население возвращалось к традиции выборности на главные посты в городском управлении, прежде всего, к выбору правителя или царя. При этом кандидатом далеко не всегда оказывался представитель городской элиты. Так, когда царь Эшнунны Ибал-ши-эль II около 1762 г. до н. э. погиб во время набега на город эламитян, горожане (*avilē*) избрали царем человека простого происхождения по имени Цилли-Син, который был командиром военного отряда (*Heimpel W.* Letters to the King of Mari. Winona Lake, 2003. P. 108). Во время восстания городов при Самсуилуне (1742–1737 гг. до н. э.) своего царя избрали в Ларсе, Уруке и той же Эшнунне.

²³ В одном письме из Ларсы корреспондент, по-видимому торговый агент, просит адресата отправить письмо «людям богатым» (*ana avilē*

- kabūtīm*), чтобы с их помощью вывезти зерно (ABIM 22).
- ²⁴ В другом письме из Ларсы корреспондент просит адресата не передавать их спор на рассмотрение «ни богатому (человеку), ни судьям» (*awātūni ul ša kabti ul ša dajāni*; VS 16 145:20). Еще в одном письме, сохранившемся, к сожалению, только фрагментарно, некто пишет о необходимости рассмотреть дело об убытках, которые понес главный садовник (ABV 10 161). Для этого надо, чтобы «судьи Ларсы и „главные люди“ города» (DI.KU₅.MEŠ *ša* UD.UNU^{ki} и LÜ.MEŠ *qaqqadat* URU^{ki}) вошли в храм и решили дело в соответствии с (царским) указом. Решение по важному делу в данном случае должны были вынести вместе с городскими судьями и «главные люди (букв. головы) города», т. е. представители городской элиты, которые располагали, по-видимому, достаточно широкими юридическими полномочиями наряду с собственно судьями.
- ²⁵ В так называемых Законах Липит-Иштара, составленных на шумерском языке от имени царя города Исина, правившего в 1873–1869 гг. до н. э., указывалось, что человек (**lú**), в доме которого беглый раб прожил один месяц, должен вернуть (помимо возвращения беглеца, что само собой разумеется) раба за раба или выплатить штраф в 15 сиклей серебра (ЗЛИ § 12–13). Похожее наказание – раба за раба – предусматривали Законы из города Эшнунны (ЗЭ § 49). В составленных гораздо позже и записанных на аккадском языке Законах Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) такого рода преступление наказывалось более сурово. Человека (*awilum*), который выведет беглого раба за городские ворота, спрячет беглого раба в своем доме или задержит его в своем доме, должны были казнить (ЗХ § 15–19).
- ²⁶ В тексте законов царя Ур-Намму, основателя III династии Ура, составленных в конце 3-го тыс. до н. э., особенно подробно описана его деятельность как защитника социально слабых: «Я не передавал сироту богатому, я не передавал вдову сильному, я не передавал человека, (имеющего только) один сикль серебра, человеку, (имеющему) одну мину серебра, я не передавал человека, (имеющего только) одну овцу, человеку, (имеющему) одного быка» (*Roth M. Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor. Atlanta, 1997. P. 16*).
- ²⁷ *Frayne D. Old Babylonian Period (2003–1595 B. C.). Toronto ; Buffalo ; London, 1990. (The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods ; vol. 4). P. 148, 149.*
- ²⁸ *Jacobsen 1993.*
- ²⁹ Возможно, как определенную параллель можно рассматривать произошедшее в это же время изменение в значении аккадского слова *rabianum*. В начале периода оно обозначало вождя/главу племенной группы, а позднее стало широко применяться для обозначения должности сельского или городского старосты («burgomaster», см.: *Stol M. Studies in Old Babylonian History. Leiden, 1976. P. 73 ff.*).
- ³⁰ *Adams R. McC. Old Babylonian Networks of Urban Notables // Cuneiform Digital Library Journal. 2009/7 (URL: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj/2009/cdlj2009_007.html; дата обращения: 17.07.2017).*
- ³¹ *von Dassow 2014. P. 298, fn. 29.*